

An Evening of Rachmaninoff's Romances

An evening of Rachmaninoff's romances, performed by Mme. Koshetz and the composer, filled the Nezlobin theatre. Every seat, even the extra aisle seats, was occupied. This demonstrated the Moscow public's keen interest in the work of Rachmaninoff, who is now the most beloved composer among Muscovites. There is no doubt that this concert concentrated a threefold attractive force: the charm of the name of Rachmaninoff the author, him as a performer, and the participation of Mme. Koshetz as the main performer, who had already been "found" by Rachmaninoff last year as the performer most suitable for his music in terms of the qualities of her voice and her artistic temperament. Between Mme. Koshetz and Rachmaninoff, there truly is a rare assonance of artistic moods: both are lyricists, with a strong dramatic streak, both are emotionally spontaneous, and at the same time possess that fine-tuned artistic sense that clothes this emotionality in aesthetic facets. I believe that Rachmaninoff's choice was correct: it would be difficult to find a more suitable performer, both in terms of rare musicality, enormous artistic tact, and the power of expression, which in places is astounding, leading many to suspect that in her person we are dealing with an artistic greatness of the first rank. Together with Rachmaninoff's exceptionally beautiful accompaniment, her performance offered a rarely encountered completeness of artistic expression.

At the beginning of the concert, however, the singer had not yet mastered her mood, the acoustics, or the resources of her talent and technique. A certain timidity was noticeable, even in the phrasing that may be Mme. Koshetz's special pride. But by the end of the second section ("Dissonance"), and especially in the third section and encores, the artist had unleashed all the potential of her immense talent and captivated the audience, whose delight turned into an ovation, making it extremely difficult to distinguish what was due to Rachmaninoff and what to the performer. Indeed, there was no need to distinguish, for in this concert they merged into one.

Rachmaninoff accompanied with his usual mastery. Of interest were his new romances, performed in the third section of the concert, whose characteristic feature was their obvious "modernism," previously unnoticed in Rachmaninoff. New harmonies, often highly impressionistic in colour, a new tone of mood, with more penumbra and less overt lyricism—all this is very interesting, especially in such a mature artist as Rachmaninoff. It is clear from this that he is still capable of further evolution of his talent, which seemed already fixed. These romances, although beautiful in their content and details, are nevertheless more of a "symptom," a kind of indication of what we still have a right to expect from Rachmaninoff the composer.

L.S.

[Translation: Google]

Вечеръ романсовъ Рахманинова

Вечеръ романсовъ С. Рахманинова въ исполненіи г-жи Кошицъ и автора собралъ полны незлобинскій театръ. Были заняты всѣ, даже дополнительныя мѣста въ проходахъ. Это пока зывало, съ какинъ интересомъ московская публика относится къ творчеству Рахманинова, который является сейчасъ любимѣйшимъ авторомъ москвичей. Несомнѣнно, что въ этомъ концертѣ сосредото-точилась троякая притягательная сила: обаяніе имени Рахманинова-автора, его же, какъ исполнителя и участіе въ качествѣ главной исполнительницы-г-жи Кошицъ, которая уже съ прошлаго года была „найденa“

Рахманиновымъ въ качествѣ исполнительницы, наиболее подходящей для его музыки по качествамъ своего голоса в своего артистического темперамента.

Между г-жей Кошицъ и Рахманиновымъ дѣйствительно наблюдается рѣдкій ассонансъ художественныхъ настроеній: оба – лирики, съ сильной драматической жилкою, оба – эмоціонально непосредственны, и въ тоже время имѣютъ тотъ коррективъ художественнаго чутья, который эту эмоціональность облакаетъ въ эстетическія грани. Я считаю, что выборъ Рахманинова былъ правиленъ: трудно найти болѣе подходящую исполнительницу какъ по рѣдкой музыкальности, по огромному художественному такту, такъ и по силѣ экспрессіи, которая мѣстами потрясаетъ, заставляя догадываться многихъ, что въ ея лицѣ мы имѣемъ дѣло съ художественной величиной перваго ранга. Въстѣ съ исключительнымъ по красотѣ аккомпаниментомъ Рахманинова, ея исполненіе составило рѣдко встрѣчающуюся полноту художественнаго образа.

Въ началѣ концерта, правда, пѣвица еще не овладѣла ни своимъ настроеніемъ, ни акустикой, ни ресурсами своего дарованія и техники. Была замѣтна какая-то робость, даже въ той фразировкѣ, которая можетъ составить особую спеціальную гордость г-жи Кошицъ. Но къ концу второго отдѣленія („Диссонансъ“) и въ особенности въ третьемъ отдѣленіи и къ бисамъ артистка развернула всѣ данныя своего огромнаго дарованія и захватила аудиторію, восторгъ которой перешелъ въ овацію, причемъ крайне трудно было разграничить, что относилось къ Рахманинову и что къ исполнительницѣ. Да это и не надо разграничивать, ибо въ этомъ концертѣ они слились въ одно цѣлое.

Рахманиновъ аккомпанировалъ съ обычнымъ мастерствомъ. Интересъ представили его новые романсы, исполненные въ третьемъ отдѣленіи концерта, характерная особенность которыхъ – ихъ явный. „модернизмъ“ ранѣе у Рахманинова не замѣчавшійся. Новыя гармоніи, часто очень импрессионистски окрашенные, новый тонъ настроеній, въ которомъ больше полутѣней и меньше открытаго лиризма – все это очень интересно въ особенности въ такомъ уже сформировавшемся художникѣ, какимъ является Рахманиновъ. Видно по этому, что онъ способенъ еще къ дальнѣйшей эволюціи своего дарованія, которое казалось уже в фиксированнымъ. Эти романсы, правда, прекрасные въ дѣломъ и деталяхъ, все же болѣе имѣютъ значеніе „симптома“, нѣкоего указанія на то, что мы еще имѣемъ впереди вправѣ ждать отъ в Рахманинова-композитора.

Л. С.